

ОНИ ПРЕДОТВРАТИЛИ КАТАСТРОФУ
МИРОВОГО МАСШТАБА

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

МАДЬЯРСКИЙ РИКОШЕТ

Спецназ КГБ

Александр Тамоников
Мадьярский рикошет

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Мадьярский рикошет / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2020 — (Спецназ КГБ)

ISBN 978-5-04-109829-2

1956 год. В Будапеште зреют беспорядки. Радикально настроенная интеллигенция и бывшие офицеры-хортисты, воевавшие на стороне Гитлера, выступают с антиправительственными лозунгами. Чтобы спровоцировать конфликты среди населения, западные спецслужбы забрасывают на территорию Венгрии диверсионное подразделение «Фаркас». В ответ Главное управление КГБ готовит особую группу «Дон» майора Семенова. Опытные бойцы и крепкие оперативники должны предотвратить надвигающуюся гражданскую бойню. Времени на подготовку очень мало, значит, охота на диверсантов должна быть точной и стремительной...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109829-2

© Тамоников А. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	20
Глава третья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Александрович Тамоников

Мадьярский рикошет

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Тамоников А. А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Глава первая

ФРГ. Бавария, город Атаванг

в 65 километрах от Мюнхена

В холл отеля «Хольф» вошли двое представительных мужчин. Подошли к стойке администратора. За ней сидела миловидная женщина, блондинка, на карточке униформы были указаны ее должность, имя и фамилия: Берта Шафер, администратор отеля.

- Добрый день, господа, – улыбаясь, поприветствовала она мужчин.
- Добрый. Не знаю, как правильно вас назвать – фрау или фройляйн.
- Фройляйн.
- Добрый день, фройляйн Шафер. За нами забронирован номер двести шестой.
- Минуту. – Она пролистала журнал: – Герр Майер и герр Краузе?
- Точно так, фройляйн.
- Пожалуйста, ваши документы.

Мужчины положили на стойку паспорта.

Сверив данные, администратор повернулась к портье отеля:

- Ганс, проводи господ до апартаментов, покажи всё.
- Портье поднялся, подошел к стойке.
- Это лишнее, – сказал Майер, – в вашем отеле трудно заблудиться.
 - Хорошо, – женщина вернула паспорта, – в номере полный порядок.
 - Не сомневаюсь.

Портье поинтересовался:

- У вас есть багаж?

Майер кивнул:

- Да, в «Опеле», рядом со входом. Потрудитесь доставить его в номер.
- Да, герр Майер.

Портье взглянул на парня, скромно сидевшего в дальнем углу холла, – тот моментально оказался рядом:

- Слушаю, герр Динер.
- У входа стоит «Опель», там багаж наших новых клиентов, доставь его в номер двести шестой.

Парень бросил быстрый взгляд на прибывших. Дело в том, что номер 206 редко использовался. Апартаменты стоили слишком дорого, и там обычно селились богатые люди.

- Извините, номер автомобиля? – спросил он.

Майер ответил:

- На выходе одна-единственная машина. Не ошибешься.
- Да, господин.

Парень метнулся на улицу.

Майер взглянул на портье:

- Прошу подать в номер кофе, а в 19:00 доставить ужин на четыре персоны.
- Но вам необходимо сделать заказ.
- Возьмите меню ресторана и принесите в номер, я выберу блюда.

Портье Ганс Динер немного смутился. Так с ним обычно не разговаривали. Прибывшие мужчины явно привыкли командовать, в их осанке была заметна военная выправка. Судя по возрасту, оба прошли войну. И не рядовыми солдатами, и, скорее всего, не в войсках.

– Это не моя обязанность, но я принесу.

– Хорошо.

Носильщик занес небольшой чемодан.

– Водитель сказал, это всё!

Майер кивнул:

– Он правильно сказал. Несите в номер.

Майер и Краузе пошли к лестнице. За ними тащил чемодан носильщик Райнер.

Проводив взглядом гостей, Динер оперся о стойку.

– Кто это такие, Берта? – спросил он администратора.

– По документам Дитер Майер и Пауль Краузе.

– Номер был заказан?

– Да, а что?

– Ничего особенного. Даю голову на отсечение, что эти господа в прошлом служили либо в СС, либо в СД, вопрос: что им надо в нашем городишке?

– Тебя это так волнует, Ганс?

– Ты забыла, что я два года провел в концлагере? И этих типов, – он указал на пустую лестницу, – на дух не переносу.

– Думаю, ты ошибаешься, Ганс. Типы из СС и СД давно получили свое. А эти, скорее, бизнесмены, возможно, и служившие в вермахте.

– Бизнесмены? Нет, Берта... Впрочем... это нас не касается. Дай мне, пожалуйста, телефон.

Администратор поставила аппарат на стойку.

Динер набрал короткий номер.

– Вилли? Динер. Пришли официанта в номер 206 принять заказ на ужин... да, номер 206, апартаменты, на четверых. Жду, я в холле.

Он положил трубку, вернул телефон фройляйн Шафер.

– Господа заказали ужин на четверых. Значит, они ждут кого-то?

Берта вздохнула:

– И до чего же ты любопытный, Ганс.

– Женщины?

– О, майн гот, нет, Ганс, не женщины – мужчины.

Вернулся носильщик:

– Все сделал, герр Динер.

– Хорошо. Чаевые дали?

– Дали.

– Отдыхай!

Носильщик занял свое место в углу холла.

Подождал официант. Обратился к Шафер:

– Заказ следует принять в номере двести шестом, я не ошибся?

– Нет, ты не ошибаешься, – улыбнулась администратор.

– По телефону не могли оформить? Ведь в апартаментах есть телефон.

Женщина пожала плечами:

– У каждого свои причуды.

Официант поправил жилетку, пошел на второй этаж.

Администратор попросила Динера:

– Ганс, ты не подменишь меня на пять минут?

Портье улынулся:

– Конечно, Берта.

Шафер ушла в туалет.

Портье присел на ее место, открыл журнал, нашел нужную страницу, внимательно посмотрел.

Вернулась Шафер:

– Благодарю, Ганс.

– Не за что, я выйду покурить.

Портье направился к массивным дверям.

На улице к нему подошел мужчина. Динер быстро проговорил:

– Дитер Майер, Пауль Краузе, скорее всего, из разведки, апартаменты сняли на сутки, ожидают приезда американских бизнесменов Джеймса Колмана и его помощницы Натали Грин. Документы могут быть фальшивыми, поэтому надо сделать фото.

Мужчина спросил:

– Мы узнаем, о чем они будут говорить?

– Нет. К сожалению, я не смог установить «жучки» в апартаментах. Горничная заявила, было слишком рискованно. Поэтому фиксируем сам факт встречи и передаем информацию Клаусу в виде фото.

– Я все понял. Когда должны подъехать американцы?

– Дитер Майер сейчас заказывает ужин на четверых, а ужин у нас в 19:00. Хотя в номер его могут подать и позже. Значит, до 19:00 американцы должны подъехать.

– Хорошо, я на квартире, смотрю за отелем.

Мужчина перешел улицу и скрылся в арке двора.

Динер вернулся в холл.

Шафер сказала:

– Господин Майер звонил.

– Да? – удивился портье. – Чего еще ему нужно?

– Он выразил недовольство тем, что заказ принял не ты, а официант.

– Ну, уж это не его дело, кому и чем заниматься в отеле. Плевать я хотел на его претензии.

– Напрасно. Звонил еще и управляющий.

– Герр Кальбер?

– Собственной персоной. Догадываешься, что он спросил?

Динер посмотрел на администратора:

– Ты хочешь сказать, он интересовался гостями?

– Именно. Спросил, приехали ли, как мы их приняли, не было ли замечаний с их стороны. Это не простые гости, Ганс.

– И все равно – плевать.

Он сел в кресло у журнального столика, взял в руки газету, начал читать.

В номере Краузе поставил чемодан за платяной шкаф в одной из двух спален. Вышел в гостиную.

Майер курил в кресле сигарету, стряхивая пепел в хрустальную пепельницу. Указал на кресло напротив:

– Присаживайся, Пауль, закуривай.

– Я стараюсь курить реже, хочу бросить.

– Так не бросают. Либо сразу выбросил пачку и больше не касаешься сигарет, либо... куришь.

– Знаю, но так вот сразу не могу.

Официант принес кофе и предупредил:

– Ужин подам в 19:30.

Майер покачал головой:

– Не в 19:30, а по вызову. Я позвоню в ресторан... к кому мне там обратиться?

– К Вилли Штразе, это бармен.

– Хорошо, через десять минут заберите чашки.

– С вашего позволения, это сделает горничная.

– Мне все равно.

Официант удалился. Мужчины принялись пить кофе.

Краузе отставил чашку:

– Вообще-то я бы сейчас предпочел пару рюмок шнапса.

– О спиртном пока забудь. Решим вопрос с союзниками – посидим в ресторане, в Мюнхене.

– Если будет возможность.

– Да, ты прав, если будет возможность...

– Как думаешь, Дитер, мы останемся ночевать здесь?

– Не знаю, а что? Хочешь на ночь пригласить девочек?

– Хочу душ принять и выспаться.

– Ну, это ты сможешь сделать и не в отеле. Насчет твоего вопроса – не знаю. Все будет зависеть от американцев. Ты предупредил в лагере, что может быть инспекция?

Краузе кивнул:

– Да. Особо предупредил командира группы «Фаркас». Но и остальных тоже.

– В лагере поддерживается порядок?

– Образцовый.

– Хорошо.

Майор Федеральной разведывательной службы ФРГ (БНД) посмотрел на часы:

– Колман уже должен подъехать.

В это время у отеля остановился неприметного вида «Форд», из которого вышли мужчина лет пятидесяти и женщина около тридцати. У мужчины в руках – портфель.

Они зашли в отель и не заметили, как из окна дома напротив их сфотографировали.

– Добрый день, господа, – поздоровалась с посетителями Шафер, – желаете снять номер?

Мужчина поморщился:

– Мы желаем пройти в апартаменты номер двести шесть.

– Так это вас ожидают герр Майер и герр Краузе?

Мужчина и женщина переглянулись:

– Это они вам сказали, что ждут гостей?

– Они заказали ужин на четверых. Значит, кого-то ждут. Вы же пожелали пройти в апартаменты, которые сняли эти господа. Но... извините, я должна записать ваши данные, прошу паспорта.

Мужчина сказал:

– Мы не снимаем номер, мы всего лишь хотим зайти к тем, кто это уже сделал. Зачем паспорта?

Подошел Динер:

– Извините, я сейчас все объясню. Если бы вы не были мужчиной и женщиной, то вас бы пропустили беспрепятственно, в противном случае регистрация обязательна. Это требование полиции. Надеюсь, не надо объяснять, с чем оно связано?

Мужчина рассмеялся:

– Вы посчитали, что моя спутница – проститутка?

– Нет, но правила есть правила. Фройляйн Шафер не совсем удобно это объяснять, поэтому в разговор вступил я. Извините еще раз.

– О'кей, – продолжил смеяться мужчина, – регистрация, значит, регистрация. Он повернулся к спутнице: – Натали, достань паспорт.

Документы легли на стойку.

– О, вы граждане США?

– Это имеет значение? – спросил мужчина.

– Нет-нет, извините. Господин Джеймс Колман и госпожа Натали Грин. Минутку.

Администратор сделала запись в журнале и вернула документы.

Портье сказал:

– Я провожу вас.

– Не стоит беспокоиться. Ваша гостиница – не отель Нью-Йорка, где можно заблудиться.

Он забрал паспорта и кивнул спутнице:

– Идем, Натали.

Как только американцы скрылись, Шафер проговорила:

– По-моему, не стоило их регистрировать.

– Почему? – спросил Динер.

– Не знаю, интуиция подсказывает.

– Ты сделала как положено.

– Кто знает, Ганс, как положено в случае с американцами? Ведь они теперь, по сути, хозяева в нашей стране.

– Здесь они, англичане и французы, на Востоке русские. Что поделаться, если нацисты привели Германию к позору? Проигравший всегда платит по счетам, которые выставляет победитель.

– Но когда это закончится?

– Не скоро, Берта.

Американцы без стука вошли в апартаменты.

Майер и Краузе поднялись навстречу.

– Добрый вечер. Вы пунктуальны, господин Колман.

– Привет, Дитер. Другого места для встречи ты найти не мог?

Майер удивился:

– А чем плох отель?

– Тем, – повысил голос сотрудник Управления тайных операций ЦРУ, – что нам с мисс Грин пришлось предъявлять паспорта граждан США. Кстати, познакомьтесь: моя помощница, второй лейтенант Натали Грин. Итак, нам пришлось предъявлять паспорта США. Как думаешь, майор, это не станет предметом обсуждения среди персонала?

– Не беспокойтесь, я решу данный вопрос. Одно непонятно: в ЦРУ, насколько мне известно, нет воинских званий.

– Официально – нет, но большинство сотрудников уже имело их до прихода на службу. Это так важно?

– Нет.

Майор указал на напарника:

– Это мистер Пауль Краузе. – И подошел к тумбе с телефоном: – Кальбер? Майер. Слушай меня внимательно. Твой персонал оформил моих гостей по всем правилам, чего делать не следовало... Да, я все понимаю, но в любом правиле есть исключения. Ближе к теме. Запись из журнала изъять, персонал строго предупредить, чтобы не распространялись о гостях. Все понял? Вот и отлично. И запомни, Ганс, ты головой отвечаешь за это. Всё.

Он положил трубку и улыбнулся:

– Ну вот, никакой регистрации, никакого обсуждения.

Колман недоверчиво посмотрел на Майера:

– Уверен?

– Да.

– О'кей. С чего начнем?

– Предлагаю с ужина.

Полковник взглянул на женщину:

– Ты как, Натали?

– Я бы предпочла перед ужином принять душ и переодеться.

– Насчет душа – пожалуйста, но мы здесь не задержимся.

– Вы, полковник, не поняли, что я подразумеваю под переодеванием.

Колман рассмеялся:

– Ох уж эти ваши женские штучки.

Майер указал в сторону коридора:

– Санузел и ванная там!

Женщина зашла во вторую спальню, затем прошла в ванную комнату.

Полковник спросил у Майера:

– Что ты, Дитер, заказал на ужин?

– Колбаски-гриль, картофель, салат овощной, язык и буженину, кофе, прохладительные напитки. Если что-то не так, изменим заказ.

– Не надо, все хорошо. Я должен буду проверить, что нашу с Натали регистрацию убрали.

– Никаких проблем. Но поверьте, это лишнее.

– Ладно, посмотрим.

Майер позвонил в ресторан, велел принести ужин.

Официант вкатил в номер тележку с блюдами и принялся накрывать стол.

Мисс Грин привела себя в порядок.

Сели ужинать.

После того как официант убрал со стола и укатил тележку, Майер закрыл за ним дверь и присел к столику:

– Теперь можно поговорить о деле.

Краузе поставил на стол пепельницу, положил зажигалку, разложил карту-схему городка Атаванг, достал пару острозаточенных карандашей синего и красного цвета.

– О'кей, – сказал Колман. – Говорим о ближайших планах. Вопрос начальнику лагеря подготовки боевых групп и отрядов, а также куратору националистических организаций восточных стран, членов недавно созданного Варшавского договора, майору Краузе.

– Да, господин полковник? – ответил Краузе.

– Что по группе «Фаркас»?

– «Фаркас» готова к действиям в Венгрии. Как и остальные группы.

– Меня интересует только группа «Фаркас». Кто входит в ее состав?

– Люди, активно боровшиеся с Красной армией. Командир – капитан Лукас Петер, надпоручик Бернат Конич, поручик Фабо Грокас, штабс-фельдфебель Писта Бени, снайпер Дуки Ланг и поручик Украинской повстанческой армии Григорий Сивко.

– Дуки, по-моему, женское имя?

– Так точно, господин полковник, Дуки Ланг – женщина, ей тридцать лет, отличный снайпер.

– Венгерка?

– Да.

– Она тоже воевала?

– Нет. Снайпером стала в лагере. Это отдельная история, о ней вам лучше узнать от самой Ланг.

– Второй вопрос: для чего вы привлекли в венгерскую группу украинца?

– Возможно, понадобится контакт с русскими. Сивко прекрасно знает языки. К тому же он отменный боец.

– Каратель?

– Участвовал в карательных операциях на территории Украины и Белоруссии.

Колман внимательно посмотрел на Краузе:

– Что-то подсказывает мне, что вы пересекались с этим Сивко во время войны. Я не прав?

Краузе кивнул:

– Пересекались, господин полковник, на Украине.

– Это до того как вас, господин штурмбаннфюрер СС, назначили начальником концлагеря в Вессе?

– Извините, господин полковник, я майор БНД.

– Но наверняка где-нибудь храните свою эсэсовскую форму. Мы вывели вас из-под суда военного трибунала, значит, прошлое пылится в архивах. Итак, Сивко – ваш старый знакомый. Что вас привлекло в нем?

– Ненависть к коммунистам, бесстрашие, исполнительность. Сивко выполнит любой приказ, как делал это на Украине.

– Даже если ему прикажут стрелять в женщин и детей?

– Он уже делал это.

Мисс Грин воскликнула:

– Подонок!

Колман усмехнулся:

– Ты права, Натали, подонок, но такие нам и нужны. Хорошо, по составу вопросов нет. Остается проверить, насколько группа «Фаркас» готова к выполнению заданий. Это мы сделаем завтра, в 11:00, на полигоне лагеря подготовки спецгрупп «Вертау».

Подав голос Майер:

– Разрешите вопрос, господин полковник?

– К чему официальность, Дитер? Конечно, спрашивай.

– Использование «Фаркас» планируется уже в ближайшее время?

Колман кивнул:

– Да, но сначала общая обстановка, которая сложилась на данный момент в Будапеште. С этого я планировал начать наш разговор, но уж как пошло, так пошло. Итак, общая обстановка. Разрешаю задавать вопросы по ходу доклада. Так проще. Прошу, господа, не стесняйтесь. Натали, води стенограмму.

Немцы переглянулись. Американец улыбнулся:

– Это для отчета. Порядок, как вы говорите, должен быть во всем.

Помощница Колмана взяла листы бумаги, приготовила ручку.

– Итак, вы знаете, что борьба внутри Венгерской партии трудящихся между сталинистами и реформаторами привела к отставке в июле месяце Генерального секретаря Матьяша Ракоши, а еще ранее к отставке Председателя Совета министров Имре Надя. В настоящее время партийным лидером является Эрне Гере, сторонник Сталина, а значит, жесткого режима и репрессий против неугодных. Обязанности Председателя правительства исполняет Андраш Хегедюш. Подавление народных протестов в Познани, в Польше, вызвало рост протестных настроений в Венгрии, особенно в студенческой молодежной среде. Шестого октября состоялось перезахоронение останков повешенных в 1949 году Ласло Райка с товарищами в национальный пантеон кладбища Керепеши Будапешта. Ранее казненные были захоронены в простой канаве на окраине леса. Это привело к массовым демонстрациям молодежи с участием

интеллигенции. По разным данным, на перезахоронении присутствовало до ста тысяч человек. Я скептически отношусь к этой цифре, но даже если в манифестации участвовала треть, то есть тридцать тысяч человек, то это уже серьезно. По данным разведки, неспокойно в Университете Сегеда и Университете строительной промышленности Будапешта. Настроенная на демократические перемены часть студентов призывает к выходу из «Демократического Союза молодежи», прокоммунистической организации, что-то вроде комсомола в СССР. В университете работают наши люди, а также агенты из Австрии, Германии и Великобритании. Глупо было бы не воспользоваться обострением ситуации. В связи с этим в ЦРУ разработан план по свержению просоветских режимов во всей Восточной Европе. И начало должно быть положено в Венгрии. Уже в этом месяце мы планируем организовать восстание. Вижу, вам не терпится задать вопросы? Задавайте.

Майер проговорил:

– Использование студентов – это, конечно, хорошо, манифестации во время перезахоронения и так далее, однако студенты всегда являлись самой протестной частью общества по любому случаю. И успокоить их не составляло труда. Как правило, активисты всевозможных организаций разбегались по домам, когда против них выступала полиция. В Венгрии же и армия, и спецслужбы на стороне режима. Они разгонят любые демонстрации. Уверены ли вы, что ставка на молодежь верна?

Колман покачал головой:

– Привлечение студентов, герр Майер, необходимо для обеспечения, если так можно выразиться, ввода в бой основных сил. Молодежь должна «взорвать» улицу и вынудить полицию, а возможно, и армию применить против них силу. Ту силу, о которой вы говорили и которая сметет их. Для решения серьезных задач как раз это и надо. Студенты, условно говоря, проводят мирную демонстрацию, их сопровождает полиция до определенного места, где выступление должно закончиться. Но оно не заканчивается. Полиция вынуждена принять меры. Пока еще переговорного характера. Но тут вдруг в полицейских летят «коктейли Молотова», начинается стрельба. Что будет дальше, господин Майер?

– Полиция, – ответил майор немецкой разведки, – очевидно, вызовет подкрепление и начнет активные действия с применением огнестрельного оружия, если понесет потери в данном столкновении.

Колман усмехнулся:

– Правильно. Полиция будет вынуждена защищаться, студенты тоже. И разгорится бойня. Естественно, молодежь разгонят, но останутся трупы. И чем их будет больше, тем лучше. Похороны погибших и провокации на похоронах – еще один веский довод для усиления беспорядков. В конце концов, вспыхнет весь Будапешт, за ним другие города.

Краузе проговорил:

– А в роли провокаторов должны выступить такие группы, как «Фаркас», я правильно вас понял?

Полковник ответил:

– Те люди, которых готовите вы, будут использованы непременно. Их действия покажут, насколько эффективно применение таких групп во время мирных демонстраций.

Майер спросил:

– А вы не забываете, господин полковник, что в Венгрии дислоцируется Особый корпус Советских вооруженных сил? А это две механизированные и две авиационные дивизии. Ну, авиацию русские вряд ли используют в условиях восстания. Бомбить города они не будут, истребителям в небе воевать не с кем, но две механизированные, по сути, танковые дивизии – это сила. К тому же русские легко могут перебросить дополнительные войска из Прикарпатского военного округа, из Румынии. И подавить, к чертовой матери, восстание.

Колман улыбнулся, это выглядело как гримаса недовольства:

– Вы считаете, что в США не понимают, что попавшие под влияние Советов восточно-европейские страны никакими способами не вернуть в западный лагерь? По крайней мере, на данном историческом этапе?

– Я так не считаю. Значит, цель в другом?

– Естественно. Главное, как говорится, вбить кол в отношения между странами – участниками Варшавского договора. Югославия и Албания уже недовольны диктатом СССР, подобные настроения необходимо поддержать и в остальных государствах – в Румынии, в Польше, в Чехословакии. А начать, повторяю, надо с Венгрии. Россия вынуждена будет силой удерживать свой военный блок, тем самым закладывая под него мину замедленного действия, которая сработает позже, когда о прошлой войне начнут забывать, а национализм станет поднимать голову все выше и выше. Полагаю, пока достаточно. Возможно, я впустую потратил время, доводя все то, что вы знаете и без меня, но я должен был сделать это. Главное, чтобы спецслужбам стран западной демократии была ясна цель наших действий, как ближайших, так и последующих. А цель – развал Варшавского договора и присоединение восточных государств к западным. Доживем ли мы до этого момента? Вряд ли, но мы начинаем эту миссию и уже поэтому войдем в историю.

Офицеры Федеральной разведывательной службы ФРГ вновь переглянулись, Майер сказал:

– Перечислив страны – участницы Варшавского договора, вы не упомянули Германскую Демократическую Республику. Почему?

– Потому, что с ГДР отдельная история. К ней общий подход неприемлем. С Восточной Германией будем работать отдельно. Завтра мы с помощницей хотели бы посмотреть на группу «Фаркас».

Майер ответил:

– Как будет угодно. Когда вы будете в Вертау?

Полковник усмехнулся:

– Когда будем, тогда будем. А вот вам, господа, следует убыть в лагерь после завтрака.

Краузе сказал:

– Так не получится, господин полковник. Лагерь охраняется. Лесной массив, в котором он находится, имеет проволочное ограждение и контрольно-пропускной пункт. Исходя из соображений секретности, предупредить наряд о приезде американских офицеров считаю недопустимым. Мы не можем гарантировать, что в лагере нет курсантов, внедренных русской разведкой, что совершенно не означает их наличия. Поэтому прошу назвать время вашего прибытия в Вертау, на площадь церкви Девы Марии. А также марку и номера машины. Я встречу вас, мы проедем на специальный участок, где будет находиться группа «Фаркас».

– О'кей. 10:00 – 10:30 вас устроит, майор?

– Да, господин полковник.

– Автомобиль «Форд», номер... цвет черный.

– Я вас встречу.

Полковник кивнул помощнице – та убрала бумаги в портфель.

Колман поднялся, следом все остальные.

– До завтра, господа! Не провожайте нас.

Гости двинулись к выходу.

Как только дверь закрылась, офицеры Федеральной разведывательной службы ФРГ одновременно потянулись к пачке сигарет.

Майер сказал:

– Что я говорил? Американцы пожелают посмотреть на готовность группы.

Краузе спокойно ответил:

– «Фаркас» подготовлена как подразделение специального назначения. Нам есть что показать.

– Уверен?

– Да.

– Хорошо, Пауль. Американцы уехали, пора и нам.

– Я, в принципе, могу остаться здесь.

– Ну зачем же? Загородный дом гораздо уютней этого казенного номера.

– Тогда выходим?

– Вызови машину, и надо проверить администратора. Она должна была убрать запись в журнале регистрации. И не забудь чемодан с личными вещами, носильщика ждать не будем.

– Да, Дитер.

Они спустились в холл. Майер подошел к стойке:

– Вы сделали то, о чем просил управляющий?

– Да, герр Майер. Но почему вы не вызвали носильщика?

Майор проигнорировал вопрос.

– Покажите журнал регистрации.

– Пожалуйста.

Администратор выложила журнал на стойку.

Майер взглянул на последнюю страницу, которая была переписана без имен американцев.

– Хорошо. Номер свободен, мы уезжаем. Но вы не должны никому сдавать его.

– Да, герр Майер.

– Всего хорошего.

Офицеры вышли из отеля. Подъехал «Опель», они сели на заднее сиденье.

Водитель, фельдфебель Лунге, спросил:

– Куда едем, герр майор?

– Домой, Юрген, на окраину городка.

– Слушаюсь.

– Завтра с утра едем в Вертау.

– Да, герр Майер.

«Опель» покати по темной улице.

Портье отеля «Хольф» вышел к подъезду. Его рабочий день закончился. Он посмотрел на противоположную сторону улицы. В окне центральной части третьего этажа приглушенным светом горела настольная лампа. Это было единственное окно во всем доме с приглушенным светом. Окно квартиры, которую снимал Отто Берг, как и Ганс Динер, работавший на советского разведчика, которого они знали под именем Клаус. Ни настоящего имени, ни фамилии – только псевдоним. Свет этой настольной лампы означал, что Берг дома и он в безопасности.

Динер прошел в арку, свернул в первый подъезд, поднялся на третий этаж, позвонил в дверь.

Ему открыл Берг, мужчина, подходивший к портье вечером.

Он пропустил Динера в небольшую двухкомнатную квартиру.

– Проходи на кухню, Ганс, я купил пиво, выпьем.

– С удовольствием.

За пивом Динер спросил:

– Сделал фото американцев?

– Да, но Клаус сказал, что это не обязательно было делать, он в курсе, кто такие Колман и Грин.

– Вот как? Когда же ты встречался с ним?

– Час назад. Знаешь, на то, чтобы сделать фотографии, требуется время. Я спешил. Встретились в парке, на нашем месте.

- Как отреагировал Клаус на встречу в отеле?
- Спокойно. Как всегда. По-моему, он вообще лишен эмоций.
- Сказывается опыт работы при нацистах.
- Возможно. Клаус поблагодарил за работу.
- Фото не стал брать?
- Посмотрел и приказал уничтожить, негативы тоже.

Динер поставил на стол пустую кружку:

– Что делать дальше?

– Заниматься обыденными делами. Задание не определил, просил не покидать Атаванг, а если возникнет необходимость, предупредить его.

– Понятно. Ну, тогда я пошел домой. Марта ужин приготовила. Обещала пожарить колбаски. Обожаю наши колбаски.

- Баварские знамениты на весь мир.
- Дахау тоже знаменит и Вессе.
- До сих пор не можешь забыть концлагерь?
- Это не забывается никогда.
- Наверное, мне не понять тебя. Я провожу.

В прихожей Берг спросил:

- Тебе на работу послезавтра?
- Должен был выйти послезавтра, но Линхард попросил отработать за него.
- Что случилось у твоего сменщика?
- Отец слег, надо проводить.
- Понятно. Значит, завтра работаешь.
- Да.
- Я буду в своей студии.
- Хорошо. Пока.
- Удачи.

Динер ушел. Он жил через два квартала, у площади. Это было удобно: не надо толкаться утром и вечером в автобусе и трамвае. Пешком до отеля – пятнадцать минут спокойной ходьбы.

Колман и Грин остановились в квартире, которую арендовала спецслужба США. Жилье находилось в двухэтажном старом доме спального района. Зайдя в квартиру, Колман тут же в прихожей снял трубку телефона:

- Крис? Добрый вечер.
- Добрый, Джеймс.
- Встречу провели, завтра едем на объект, смотрим товар.
- Понял, как наши коллеги?
- Их явно тяготит, что мы относимся к ним как к прислуге.

– А что они хотят? Чтобы мы были с ними на равных? Это невозможно, слишком они зависят от нас. От коллег требуется одно – делать, что скажем мы. Иначе... Сообщи, как оценишь товар.

- Конечно.
- Ты с очаровательной Натали?

Колман рассмеялся:

- Она же моя помощница.
- Ты еще скажи, что у вас сугубо деловые отношения.
- Не скажу, Крис, это была бы неправда, а я терпеть не могу ложь.
- А как же твоя супруга в Штатах? Или она знает о Крис?

– Это совсем другое дело.
– Да? Не знал, что ложь может быть выборочной. Но не осуждаю тебя, скажу больше – завидую!
– Это плохое чувство.
– Что поделать? Тебе всегда везло больше, чем мне.
– Однако генерал ты, а не я.
– Не в звании счастье. Ладно, всё. Хорошей ночи, до завтра.
– До завтра.
Поздним вечером советский разведчик передал в Первое Главное управление КГБ полученную информацию.

На следующий день после бурно проведенной ночи, плотно позавтракав, полковник Колман и Натали Грин выехали из Атаванга. За рулем сидела женщина, полковник расположился на заднем сиденье.

Ехали молча.

Пять километров промелькнули за десять минут. Наконец они въехали в селение Вертау. В 10:10 оказались на площади, центром которой была церковь Девы Марии.

Грин спросила:

- Где встать?
- Возьми правее, к кафе «У Бруно».
- На чем будут немцы?
- Понятия не имею, но они знают нашу машину.

У кафе утром было мало народа. Грин не успела выключить двигатель, как подъехал «Опель».

Из него вышел майор Майер.

- Доброе утро, мисс.
- Доброе утро.

Полковник открыл дверцу:

- Приветствую, господин полковник.
- Привет, Дитер. Краузе в «Опеле»?
- Нет, он в шесть утра уехал на полигон. Подготовить группу к экзамену.
- О'кей! Едем в лагерь.
- Следуйте за моей машиной.

Майер вернулся к «Опелю», и вскоре колонна из двух легковых автомобилей помчалась по узкой улочке на выезд к дороге, которая уходила в лес. Местные ею не пользовались – знали, что дорога ведет на военный объект. И что представляет собой этот объект, они тоже знали: иногда из леса в деревню приезжали осведомленные люди: посидеть за кружкой светлого мюнхенского пива, перекусить и расслабиться.

Через километр они въехали в лес и тут же уперлись в КПП. Наряд поднял шлагбаум, и машины миновали пропускной пункт без остановки. Объехали холм, на котором был виден старый разбитый ДОТ. Вышли на укатанную грунтовую дорогу.

Слева американцы увидели учебный городок, точнее, тренировочный объект «Город», там стояли четыре трехэтажных дома на перекрестке мощенных брусчаткой улиц. Объект был огорожен. Рядом с ним стояли советские танк Т-34 и бронетранспортер БТР-40. И если танк был явно трофейным, то откуда взялся бронетранспортер, принятый на вооружение только в 1950 году, оставалось загадкой. Но это американцев не касалось. Сумели немцы достать – хорошо. Техника предназначалась для отработки приемов и способов ее уничтожения в условиях города.

Справа – казарма, в которую могла вестись пехотная рота. Немного впереди и слева – овраг, в нем стрельбище, правее – здание тира.

Закончилась дорога, но не лагерь: за вторым холмом располагался специальный полигон. Здесь «Опель» остановился.

Майер, Колман и Грин вышли из машин. Навстречу им вышел Краузе.

– Приветствую, господа и мисс Грин. К проверке группы «Фаркас» все готово.

– Где сама группа? – спросил Колман.

– У специальной полосы препятствий. Прикажете вызвать бойцов сюда?

– Нет, с ними я знакомиться не собираюсь, это ваши люди.

– Ну тогда можете подняться на смотровую площадку. На ней беседка, с которой виден весь полигон. Я приказал доставить туда бинокль, если пожелаете рассмотреть подробности испытаний.

– Это правильно. Вы, Краузе, будете с группой?

– Да, господин полковник, у полосы препятствий. Там на стоянке есть телефонный аппарат, соединенный с телефонами на смотровой площадке. Вы сможете передавать свои вводные.

– Огневую подготовку, как я понимаю, проведем на стрельбище и в тире?

– Так точно. Там уже все подготовлено.

– Рукопашный бой?

– В тире. Мы заказали материалы для возведения спортивного зала, должны подвезти в понедельник, пятнадцатого числа. А пока курсанты занимаются физподготовкой в тире.

– Понятно.

Полковник взглянул на Майера:

– Показывайте смотровую площадку, майор.

– Прошу за мной, по лестнице.

На вершину холма, представлявшего собой ровную площадку с конструкцией для наблюдения, похожей на беседку, вела короткая деревянная лестница. Американцы и Майер поднялись. В смотровой беседке, перед открытой ее частью, были установлены длинный стол, стулья, на середине стола стоял телефон. Все чисто, видно, что недавно вымели и протерли.

Полковник сел в центре перед телефоном. Майер расположился рядом, выложив два флажка: белый и красный. Справа – Грин, вновь доставшая из портфеля листы бумаги и ручку. Ветер тут же разбросал эти листы по веранде. Грин достала блокнот, взглянула на полковника.

Тот улыбнулся:

– Верное решение, Натали. Готова?

– Да, сэр.

– Там в портфеле список бойцов группы, отмечай, кто отличится и кто, напротив, допустил ошибки.

– Но как я узнаю, кто выполняет упражнения?

Голос подал Майер:

– Я подскажу вам, мисс Грин.

– О'кей, я готова.

Полковник прикурил сигарету, махнул Майеру:

– Начинайте, майор.

Старший офицер Федеральной разведывательной службы ФРГ поднял красный флажок. Краузе, смотревший на площадку, резко повернулся и подал команду.

К полосе препятствий вышел коренастый мужчина в форме венгерской армии времен Великой Отечественной войны.

Майер сказал:

– Это командир группы, капитан Лукас Петер, мисс Грин.

Женщина кивнула, приготовившись делать записи.

Краузе подал следующую команду.

Венгерский капитан повернулся ко рву, с которого начиналась и которым заканчивалась специальная полоса препятствий. Перепрыгнув двухметровое препятствие, диверсант пошел по «змеёйке», затем прополз под колючей проволокой, поднялся и запрыгнул на «стену», перемахнув через нее, взлетел на «разрушенный мост». На него капитан потратил считанные секунды и всего четыре шага. Далее был частокол, за ним трубы, заканчивающиеся выходом к колодцу, подземный проход. Петер выскочил из второго колодца и метнул учебную гранату, которая попала точно в центр круга слева. Проскочил бревно, лаз в стене, нырнул в окоп, откуда бросил вторую гранату и опять точно в цель. Выбил ножом труху из трех чучел, развернулся и метнулся мимо препятствий к финишу. Перепрыгнув ров, остановился. Сделал пару вдохов, повернулся к Краузе и доложил о выполнении упражнения.

Колман, внимательно наблюдавший за капитаном Лукасом, проговорил:

– Неплохо, совсем неплохо. – Он взглянул на Майера: – Время, майор?

– Норматив перекрыт на восемь секунд.

– Это не просто неплохо, это отлично, командир всегда должен подавать пример. Давайте второго.

Майер сделал отмашку.

Ко рву понесся подпоручик Бернат Конич.

И так все члены группы, кроме Сивко.

Венгерцы выполнили норматив, не допустив ни единой ошибки. Сивко же американец остановил.

– Для этого парня усложним задачу, – сказал он и поднял трубку полевого телефона.

Краузе тут же ответил:

– Да, господин полковник.

– Справа от «разрушенного моста» я вижу узкий участок пруда.

– Озера, – поправил Краузе.

– Какая разница, майор! Через него перекинута бревно. Для украинца полоса препятствий удлинится. После моста он должен перейти озеро по бревну, вернуться и продолжить упражнение.

Краузе спокойно ответил:

– Слушаюсь, господин полковник.

Он подозвал Сивко. Тот, выслушав майора, кивнул.

Краузе взглянул на смотровую площадку. Майер дал отмашку.

Бывший поручик УПА побежал ко рву.

Его не смутило изменение задания.

В четыре прыжка преодолев «разрушенный мост», он повернул к озеру и, на удивление американца, не прошел, а пробежал по довольно узкому бревну. Туда и обратно. Колману показалось, что Сивко остановился, взглянув наверх, на него. Но ему, скорее всего, показалось.

Сивко не допустил ни единой ошибки и успешно завершил упражнение.

Полковник встретил его аплодисментами – скудными, короткими.

– Молодец этот украинец. Как он перемахнул через озеро! – Он повернулся к Майеру: – У вас все члены группы могут форсировать водную преграду?

– Так точно, господин полковник. И не только члены группы «Фаркас», хотя, признаюсь, у этих парней получается лучше других. Сказывается большой опыт.

– Черт! – воскликнул Колман. – Я совсем упустил, что в группе дама, ей надо было смягчить условия. Но она справилась. Оценка группе на данном этапе – «отлично». Теперь огневая подготовка. Начнем с автоматов, карабинов, снайперских винтовок.

Майер поднялся:

– Пройдемте на смотровую вышку, стрельбище справа.

Глава вторая

Стреляли диверсанты не хуже, чем преодолевали полосу препятствий. Все мишени сбивались короткими, в два-три патрона, очередями из автоматов ППШ, ППС и АК.

Начальник тира, пожилой немец, выставил мишени для стрельбы из пистолета. Бойцы группы встали в ряд в двадцати пяти метрах от мишеней. По команде Краузе передернули затворы и подняли ТТ. Загремели выстрелы. Каждый должен был выпустить всю обойму, причем два патрона стоя, два из положения полуоборота, два с колена и два лежа.

Тир был оборудован вытяжной вентиляцией. Дым и гарь вытянуло быстро. Краузе отвел стрелков к стене, полковник с помощницей и Майером осмотрели мишени. Все отстреляли на «отлично», черные сердки мишеней были порваны пулями, и только на двух мишенях пули легли в «девятку».

Колман покачал головой:

– Да, чувствуется подготовка. Сомневаюсь, что солдаты Бундесвера отстрелялись бы так же.

Майер не остался в долгу:

– А солдаты США?

Полковник усмехнулся:

– А вы злопамятны, майор. И американские военнослужащие, включая спецназ, не показали бы лучшего результата. О'кей, теперь у нас что?

– Метание ножей. Каждый бросает четыре ножа в ростовую фигуру из фанеры с расстояния в пять метров. «Отлично» – попадание в область сердца, горла, солнечного сплетения, середину головы. Но я, с вашего позволения, хотел бы сделать перерыв. Всего десять минут.

Колман ответил:

– Нет, майор. В реальном бою передышку группе не дадут. Отдохнут после проверки.

Краузе отдал команду:

– Группа, метание ножей, получить холодное оружие.

В это время пожилой немец поставил к стене шесть фанерных щитов, изображавших человека с черными кругами зон поражения.

Ножи уже лежали на металлическом столике.

– Подход к рубежу!

Группа встала в шеренгу, как при стрельбе, держа три ножа в одной руке, четвертый – в другой.

– Приготовиться, – поднял руку Краузе и взглянул на полковника.

Американец кивнул – Краузе резко опустил руку.

Бойцы почти одновременно метнули ножи. Первый бросок, второй... четвертый.

Доклады о выполнении упражнения.

Краузе дал команду отойти к стене.

К мишеням подошли американцы и Майер. Колман удовлетворенно хмыкнул:

– Что ж, и здесь сработано на «отлично». Поздравляю, майор, вы хорошо подготовили группу.

– Благодарю вас, сэр, но это, в первую очередь, заслуга офицеров группы.

Колман подошел к Ланг.

– Скажите... Дуки?

Женщина ответила:

– Да, господин полковник, Дуки Ланг.

– Скажите мне, Дуки, что привело вас в диверсионный лагерь, ведь это не женское дело?

Ланг вздохнула:

– Вы правы, это не женское дело. Женщина должна следить за хозяйством, содержать жилье в порядке, готовить обед для мужа, кормить детей и делать кучу работы по дому. Так у нас в семье и было. Муж после войны служил в Министерстве иностранных дел, обеспечивал семью, жили в достатке. Детей, к сожалению, у нас не было, но я посещала врача и непременно родила бы... – женщина запнулась, – если бы не диктатор Матьяш Ракоши со своими коммунистами.

– А при чем здесь Ракоши?

– Если позволите, я отвечу по порядку.

– Да, конечно.

– Главой МИД в то время был Ласло Райк, муж во всем поддерживал его, кстати, они вместе воевали в Испании в Венгерской бригаде. 30 мая 1949 года Райка и еще пятнадцать человек арестовали. Среди арестованных оказался и мой муж. Всех обвинили в государственной измене и шпионаже в пользу СССР, 22 сентября Райка и мужа приговорили к смертной казни. Куда я только ни обращалась, меня отовсюду гнали, как собаку. Лишили квартиры, работы. У меня не было средств к существованию, но я жила надеждой, что приговор отменят либо смягчат, ведь ни Райк, ни муж, ни его товарищи не делали того, в чем их обвинили. Меня подкармливали родственники, знакомые, пока я обивала пороги различных ведомств. А 15 октября Ласло Райка, моего мужа и других повесили. О казни писали газеты. Когда мне сообщили эту страшную весть, я сама хотела покончить с собой. Удержала монахиня. Я не помню, как оказалась возле монастыря. А потом мне стало известно, что тела казненных увезли в лес Геделле и закопали на опушке в канаве без каких-либо знаков. Я бросилась в этот лес. Там на месте захоронения мужа я поклялась отомстить этой власти за его гибель. Меня задержал военный патруль, который поначалу охранял место захоронения. Но потом отпустил, посчитав за безумную. Я и была в то время как безумная. Вернулась в Будапешт. Ночевать было негде, я бродила по городу и случайно встретила жену нашего командира. Ныне, к сожалению, покойную Марту Петер. Лукас уже тогда работал на оппозицию. Он взял меня с собой в Германию. Так я оказалась в этом лагере. Когда было объявлено о перезахоронении останков казненных пятнадцатого октября, я попросила майора Майера отпустить меня в Венгрию. Он отказал. Может быть, и к лучшему.

Полковник спросил:

– Вы знали жену Лукаса Петера?

– Мы вместе работали. В моем досье об этом изложено подробно.

– Значит, майор Майер не отпустил вас на перезахоронение останков мужа?

– Нет, господин полковник.

– Я соболезную вам, Дуки, и восхищаюсь вашим мужеством и спокойствием. У вас будет возможность отомстить за своего супруга.

У Ланг загорелись глаза:

– Быстрее бы! Я готова стрелять, резать, вешать этих тварей, лишивших меня самого главного смысла жизни.

– Еще раз соболезную.

Полковник вернулся к наблюдателям.

Майор Майер спросил:

– Фрау Ланг жаловалась, господин полковник?

– Нет, она просто рассказала мне свою историю.

– Мне передать вам ее досье?

– Не надо. Уверен, она выполнит то, что требуется.

– Вне всякого сомнения, господин полковник, как и остальные члены группы. У них у всех есть причины ненавидеть советский режим.

– Это хорошо, Дитер, это очень хорошо. Но... экзамен не завершен, я хочу посмотреть, каковы бойцы группы «Фаркас» в рукопашном бою, а также убедиться, что они имеют навыки борьбы с бронетехникой врага в условиях города.

– Мы будем жечь Т-34 и бронетранспортер?

– Ну зачем же? Вместо «коктейля Молотова» подойдут бутылки с обычной водой, имитационные гранаты. У вас есть учебные гранаты?

– И советские, и немецкие, и американские...

Полковник прервал майора:

– В Венгрии группа будет работать советским оружием.

– Я понял, господин полковник.

– О'кей! Рукопашный бой. Упражнение, защита от угрозы применения пистолета при попытке вероятного задержания. Группы разбить на пары. Ланг поставить с Сивко.

Этим требованием Майер был немного удивлен, но задавать вопросов не стал. Если полковник отдал подобный приказ, значит, на это у него есть веские причины. К тому же приказ отдан сразу же после разговора с Ланг.

Полковник и Грин отошли к двери, закурили, глядя на подготовку диверсантов к рукопашному бою.

Краузе доложил о готовности.

Выбросив окуроч, полковник подошел к бойцам. Грин присела за металлический столик, достав блокнот и ручку.

Рукопашный бой первых двух пар Колман смотрел без интереса. Все это он видел тысячу раз. И сейчас ничего особенного. Один боец в роли полицейского, другой в роли мятежника. Полицейский пытается обезвредить нарушителя порядка, тот отбивается. Затем обратная ситуация. Мятежник нападает на полицейского с целью завладения оружием. Бойцы делали захваты, наносили удары, падали, подсекали противника, били в положении лежа, использовали перекуты и прыжки. Обычный рукопашный бой по методике подготовки подразделений спецназа.

И только когда на середину зала вышли Ланг и Сивко, Колман оживился:

– Для вас нестандартная задача. Сивко – полицейский, Ланг – мятежница. Сивко требуется задержать Ланг, уложить, связать и поднять на ноги. Контакт полный, правил нет. Но бой не на поражение.

Сивко, злобно ухмыляясь, бросил Ланг:

– Может, ляжешь сама на пол? Я свяжу тебя и не попорчу твою физиономию.

– О своей побеспокойся, – огрызнулась Ланг.

– Исходная, – продолжал полковник. – Женщина смотрит в сторону выхода, полицейский сзади приставляет к спине пистолет. Начали!

Бойцы встали на исходную позицию.

Колман махнул рукой.

– Бой!

И тут же женщина молниеносно дернулась в сторону, уходя с линии огня. При этом она нанесла удар левой рукой по запястью противника. Пистолет полетел в сторону. Сивко на секунду оторопел. Ланг схватила запястье и рванула руку Сивко вперед, выкручивая ее. Бывший каратель УПА взвыл от боли. Американский полковник довольно улыбнулся. Он уже знал, что последует дальше. Ланг нанесла удар ногой в пах. У Сивко перехватило дыхание, он начал опускаться на колени. Женщина ударила его в голову, и «полицейский» рухнул на пол. Ланг оседлала его и начала методично бить в челюсть, в переносицу, в лоб, в губы...

Еще минута, и она изуродовала бы его.

Майер крикнул:

– Брейк! Отставить! Ланг, прекратить!

Женщина неохотно поднялась на ноги, повернулась к американцу:

– Бой закончен, господин полковник.

С трудом поднялся Сивко. Глаза начали заплывать, нос и рот разбиты. Но серьезного увечья удары Ланг ему не нанесли. Все же она умела сдерживать себя.

– Как, Сивко? – спросил американец.

– Виноват, господин полковник, но если бы у меня были патроны, я бы успел пристрелить мятежницу.

– Чего полицейские не делают. Ваша ошибка, что вы не лишили противника возможности уйти с линии огня. Надеюсь, обиду на коллегу не держите?

– Никаких обид, господин полковник, мы одна команда, а среди своих всякое бывает.

– Правильный ответ. Краузе, отправьте Сивко в медпункт, пусть ему окажут помощь.

Он вновь повернулся к Ланг:

– А вы коварная женщина. Если вы так бьете коллегу, нетрудно представить, что вы делаете с настоящим врагом.

– Я уже говорила, я готова стрелять, резать, вешать всех подонков, кем бы они ни были для власти, которая убила моего мужа.

– Достойно, Дуки, достойно.

Колман обратился к Майеру:

– Ведите группу на объект «Город».

– Мне вызвать механиков-водителей танка и бронетранспортера?

– У вас они есть?

– Да, мы подготовили экипажи, техника заправлена и на ходу.

– Прекрасно. Ведите людей в «Город», вызывайте механиков на место очередной задачи.

И не забудьте прихватить муляжи гранат и бутылки с водой.

– Еще скажу, чтобы взяли тент.

Полковник улыбнулся:

– Понимаю. Для ослепления экипажей.

– Так точно!

– Берите все, что может потенциально остановить бронетехнику и уничтожить ее вместе с экипажем либо сам экипаж при попытке эвакуации.

– Тогда я вызываю экипажи.

– Действуйте.

Майер перевел группу на окруженный «колючкой» объект «Город», полковник подошел к Грин:

– Твои мысли по уровню подготовки боевой группы, Натали?

Женщина ответила:

– Мое мнение: уровень достаточно высокий для применения группы в реальных боевых условиях.

– Кто впечатлил тебя больше всего?

– Командир группы.

– Да? А меня Дуки Ланг.

Помощница полковника скривилась:

– Конечно, кто бы сомневался. Она же женщина, и к тому же смазливая дамочка с неплохой фигурой. Чем-то напоминает твою жену.

– Прекрати, я оцениваю Ланг как бойца, невзирая на пол.

– Кому ты это говоришь, Джеймс? Я тоже женщина. Извините, господин полковник, у нас еще дела.

– Верно – дела, а насчет Ланг ты больше не заикайся. И она, и все остальные боевики, что готовятся здесь, всего лишь пушечное мясо. Ни в Лэнгли, ни в Вашингтоне серьезно не рас-

считывают, что нам удастся свергнуть действующие режимы восточного блока. Поднять смуту, взрастить радикальную непримиримую оппозицию, внушить ненависть – это да, но свержение не пройдет. Советский Союз сейчас силен, как никогда, его руководство никому не даст выйти из-под своего влияния. Наша задача, повторяю, создать условия, которые в будущем станут детонатором народных восстаний, подавить которые Советы будут не в силах.

Грин усмехнулась:

– Ты серьезно думаешь, что такое время наступит?

– Да. Социалистическая система слишком уязвима. Влияние государства, партии, без всякой свободы слова, личности, частной собственности с каждым годом будет вызывать недовольство населения. Сначала это будут разговоры на кухне, на работе, но потом, когда терпение лопнет, народ выйдет на улицу. И вот тогда у радикалов, которые обретут опыт уличных столкновений, будет прекрасная возможность проявить себя. А что такое разжечь огонь революции? Это организовать несколько мирных митингов, демонстраций протеста, довести их количество до критического уровня, когда правоохранные органы не смогут обычными методами прекратить демонстрации, когда они будут вынуждены применить силу. А в ответ получают удар другой силы. Кровавая вакханалия, погромы, грабежи, убийства – и всё, режим погибает. Армия? Да, она на какое-то время наведет порядок. На улицах, но не в умах людей. И потом в армии служат такие же выходцы из народа. И вооруженные силы несложно втянуть в политический конфликт, скажем, в той же Венгрии. С чего началась Первая мировая война, когда пали Германская, Российская, Австро-Венгерская и Османская империи? С убийства в Сараево боснийским сербом наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда. К чему в России привела эта война? К падению Дома Романовых, а затем и Временного правительства, к приходу к власти большевиков, которые создали новую Советскую империю. Так что, Натали, когда-то с лица земли исчезнут все империи.

– И США?

– Штаты останутся единственной сверхдержавой, которая будет править миром. И править вечно, потому что все ее сильные противники прекратят свое существование.

– А если все произойдет наоборот?

– Это невозможно.

Грин с удивлением посмотрела на полковника:

– Почему?

– Если возникнет угроза для США, мы уничтожим эту Землю. Если погибать нам, то пусть сгорит и вся планета. Но – довольно разговоров, нас уже наверняка ждут.

Они прошли на объект «Город».

Здесь полковник осмотрелся.

Подошел Майер:

– Господин полковник, группа к решению задачи по уничтожению бронетехники противника готова.

Но полковник указал на правый от себя трехэтажный дом:

– Вводная, майор: на втором этаже засели снайперы спецназа Управления государственной безопасности Венгрии. Заняли три средних окна. Задача группе – подавить огневые точки спецназа.

– Но...

– Понимаю, я поторопился. Вы экипажи вызвали?

– Так точно.

– Отправить их в качестве снайперов. Соответственно я меняю задачу. Снайперов следует взять живыми для последующей публичной казни. Экипажам прикажите оказывать всевозможное сопротивление. Без применения, естественно, оружия.

– То есть устроить драку?

– Произвести захват снайперов, майор! Вопросы?
– Вопросов нет, но это не входило в наши планы, и экипажи не готовились как диверсанты.

– А как готовились?

– Как экипажи захваченных танков и бронетранспортеров.

– Это отдельная группа?

– Так точно. «Фаркас» быстро изобьет технарей, если не изувечит. Разрешите подготовить и провести данное упражнение в следующий раз?

Полковник взглянул на помощницу. Та кивнула:

– Не стоит, сэр!

– Что «не стоит»?

– Подвергать людей, которым предстоит работа в Венгрии, опасности потерять здоровье и выйти из строя на неопределенный срок. Я думаю, возможности группы «Фаркас» уже определены.

– О'кей, – сказал полковник, – отменяю вводную. Экипажи на местах?

– Так точно.

– Группа «Фаркас»?

– В подвалах первого и второго домов.

– Начинайте!

Майер поднял красный флажок.

Краузе, находившийся у танка, передал команду командирам экипажей.

Т-34 и БТР-40 двинулись по улице.

Полковник и помощница с Майером встали у подъезда правого дома.

Когда техника проходила мимо, из подвальных окон на улицу выскочили диверсанты, метнули бутылки в моторный отсек танка и гранаты в десантный отсек бронетранспортера. Кроме этого, командир группы капитан Петер и подпоручик Бернат Конич запрыгнули на танк и набросили на башню брезент, закрыв им смотровые щели. Танк остановился. Встал и бронетранспортер, когда граната Ф-1 упала между механиком-водителем и командиром. Задача была выполнена.

Краузе объявил построение.

Майер доложил о результатах упражнения.

Полковник кивнул:

– Хорошо. Группа «Фаркас» готова к применению. Всем ее членам находиться в полной готовности к переброске в Венгрию. Детали переброски будут доведены позже.

Майер кивнул Краузе:

– Людей в казармы, Пауль!

– Да, герр майор.

Майер взглянул на американцев:

– Пообедаем, господа? Наши повара приготовили фирменные баварские блюда.

Колман отмахнулся:

– Спасибо. Мы пообедаем в Атаванге.

– Можете и в Вертау. Деревня хоть и небольшая, но готовят там прилично: есть мясо с гарниром, рыба, цыплята, конечно же знаменитые колбаски и сосиски, разные соусы. Хороший кофе, мюнхенское пиво «Хеллес» и бренди «Кишвассер», для дамы – игристое вино «Винцерзект».

– И это в деревне?

– Да, господин полковник. Иметь кафе, гаштеты, – весьма прибыльное дело. Местные начали проводить все свое свободное время в этих заведениях.

– Вы сказали в «этих заведениях»?

- В деревне их два, в одном уютней и обслуживание лучше.
- Я учту это. Проводите.

Вскоре «Форд», ведомый вторым лейтенантом Грин, проехал Вертау и направился к Атавангу.

Когда они проезжали мимо кафе, автомобиль сфотографировал мужчина, сидевший на переднем сиденье припаркованного «Фольксвагена».

Сделав снимок, мужчина повернулся к водителю:

- Порядок, Айнхард!
- Можем ехать?

– Нет! – ответил Отто Берг, который фотографировал «Форд». – Подождем. Дорога от деревни до Атаванга пустынна, американцы могут обратить на нас внимание. Этого допустить нельзя.

- Тогда, может, по чашечке кофе?

Берг вздохнул:

– Нам и в гаштете светиться нельзя. Здесь же все друг друга знают, начнутся расспросы, разговоры. Нет, Айнхард, просто подождем пятнадцать минут и поедем.

- Понял, ждем.

Водитель достал пачку сигарет. Закурил, пуская дым в открытое окно.

Спустя пятнадцать минут «Фольксваген» двинулся в сторону города. «Форд» уже наверняка был в Атаванге, поэтому Айнхард вел машину на скорости шестьдесят километров в час.

Высадил Берга у его дома. Припарковался перед отелем «Хольф», так, чтобы его заметил Ганс Динер, и уехал в центр.

После работы Динер, соблюдая все возможные меры предосторожности, зашел в подъезд дома напротив и позвонил в знакомую дверь.

Открыл Берг:

- Приветствую, Ганс!
- Приветствую, Отто. Фото сделал?
- Да. Но что оно даст? Хорошо видно только Колмана.
- Этого достаточно.
- Да ты проходи на кухню, чего застрял в прихожей? Выпьем пива.

Подумав, Динер прошел на кухню.

Берг достал две бутылки «Лагера», разлил по кружкам. К пиву положил соленые палочки.

- Американцы не заметили вас? – спросил Динер.
- Нет!
- Точно?

– Точнее не бывает. Мы сопровождали их только в Атаванге, потом отпустили, доехали до Вертау, там встали у гаштета. При следовании обратно «Форд» не видели.

Динер поставил пустую кружку на стол, вытер с губ пену:

- Значит, они инспектировали лагерь подготовки боевиков?
- Да. И это очевидно.

– Куно должен знать, что происходило в лагере. Если американцы проверяли боевые группы, то без полосы препятствий не обошлось, а он как раз смотрит за специальной полосой.

Берг кивнул:

– Да, Куно Зейлер должен знать и наверняка знает больше, чем мы думаем. Другой вопрос, как выйти на контакт с ним? Последнее время отлучка из лагеря и для курсантов, и для обслуживающего персонала запрещена.

– Надо подумать. Хотя это дело Клауса. У него возможностей гораздо больше, чем у нас. Он сам прекрасно поймет, что нужна встреча с Зейлером.

- Я с утра свяжусь с ним.
 - Мне бы тоже не помешало поговорить.
 - Ты же знаешь, Клаус – очень осторожный человек. И зачем создавать толпу? Если хочешь, я попрошу у Клауса отдельную встречу для тебя?
 - Нет, не надо. Ты все знаешь, передашь.
 - Возможно, Клаус согласится!
 - Нет, Отто, сказал, не надо.
 - То «не помешало бы», то «не надо». Отчего ты суетишься, Ганс?
 - Нервы стали ни к черту.
 - Может, надо время на отдых? Я поговорю насчет этого с Клаусом.
 - Для меня отдых, Отто, еще хуже, чем работа. Еще пиво есть?
 - Нет, но я могу сходить в магазин, хотя он закрыт. В вашем же баре можно взять навывнос!
 - А шнапс имеется?
 - Шнапс есть. Ты хочешь напиться?
 - Почему сразу напиться? Встряхнуться.
- Берг пожал плечами:
- Ладно. Я не буду.
 - Твое дело.
- Берг достал бутылку дешевого шнапса, рюмку, налил тридцать граммов. Но выпить не успел – задребезжал телефонный аппарат.
- Кто это еще может быть? – удивился Берг. – Слушаю!
 - Это Клаус, добрый вечер. Ты в квартире один?
 - Добрый вечер, у меня Ганс...
- Разведчик прервал агента:
- Открой дверь.
- После этого Берг слышал в трубке короткие гудки.
- Кто это? – спросил Динер.
 - Тот, с кем ты хотел встретиться.
 - Клаус?
 - Он!
 - И часто он вот так приходит?
 - Первый раз.
 - Значит, что-то случилось. Убери шнапс с рюмкой.
- В прихожей появился мужчина. Динер и Берг вышли ему навстречу:
- Добрый вечер, Клаус!
 - Добрый, – улыбнулся разведчик, – не ждали?
 - Нет!
 - Отто, сделай, пожалуйста, кофе – покрепче и погорячее. Без сахара и молока.
 - Да, Клаус. Раздевайся, проходи, мы на кухне расположились, но можем перейти...
- И вновь разведчик прервал агента:
- На кухне так на кухне, только шторы плотней закрой.
- Разведчик присел на стул у стены, так, чтобы его не было видно в окно.
- Что по поездке Майера с американцами в Вертау?
- Динер с Бергом переглянулись:
- Ты знаешь, что американцы посещали лагерь?
 - Да. Эти американцы – офицеры отдела тайных операций ЦРУ, полковник Колман и второй лейтенант Грин. Не спрашивайте, откуда мне это известно.
 - Вот еще одно фото. Это «Форд» возвращается из Вертау.

Разведчик забрал снимок.

Динер проговорил:

– Надо бы связаться с Куно. Ему должно быть известно, что делали американцы в лагере подготовки диверсионных групп. Но... пока не находим возможности.

Клаус улыбнулся:

– Это не ваша забота. У Куно в Штутгарте живет родная сестра. Она больна диабетом. Я съездил к ней еще до появления в Атаванге сотрудников ЦРУ. Попросил написать письмо. Бумагу дал с уже написанным скрытым текстом. Не вам объяснять, что это такое. Письмо ушло, на днях Куно должен ответить. Наверняка он сообщит нам всю информацию по целям, которые преследовали в лагере американцы.

– Но письмо проверят.

– Сколько угодно. Они прочитают жалобу сестры на здоровье, просьбу приехать попрощаться, так как болезнь прогрессирует, и узнают, что Линда, сестра Куно, отправила ему посылку. Собрала, что может пригодиться в армии, ведь она считает, что Куно до сих пор служит. Естественно, люди Майера вскроют письмо, прочтут, но внимание их сконцентрируется на этой посылке.

– А она придет? – спросил Краузе.

– Да, я сам ее отправил. Там ничего особенного: теплый свитер, носки, сигареты и фляжка со шнапсом.

Динер произнес:

– За ответом надо ехать в Штутгарт?

– Да. Пересылать письмо опасно.

– Забрать его должен кто-то из нас?

Клаус улыбнулся:

– Верно мыслишь, Отто. Но не «кто-то из вас», а конкретно ты. Ганс у нас привязан к отелю, ты же свободный художник. Твоя фотостудия может обойтись без тебя. Ведь ты не особо дорожишь клиентами?

– Деньги не бывают лишними.

– Ты мало получаешь?

– Извини, Клаус, я все понял, кроме одного: когда я должен навестить фрау Зейлер? И по какому адресу?

– Выехать ты должен по моему звонку. Адрес фрау Зейлер: Шаренштрассе, дом семь, квартира восемь, третий этаж старого четырехэтажного дома. Это рядом с Государственным оперным театром.

Берг кивнул:

– Запомнил, сделаю.

Он выставил перед гостем чашку с кофе.

Разведчик сделал глоток.

– Ситуация в Венгрии очень сложная. Если в Польше противостояние между правящей партией и обществом удастся нормализовать, то в Венгрии грядет что-то масштабное и кровавое. Я думаю, поездка американцев напрямую связана с событиями в Венгрии. Там сильно активизировалась оппозиционно настроенная молодежь. А это та среда, которой легче всего манипулировать.

Он допил кофе, отставил чашку, закурил сигарету.

– Центр требует конкретных данных. Торопит. Да это и понятно, в Москве хотят знать, насколько готовы западные страны поддержать волнения в Венгрии. Никто не хочет большой крови, но если радикалам и неонацистам удастся вывести на улицы толпы молодежи, без провокаций их демонстрации не пройдут. А это вынужденное применение ответных действий.

Впрочем, не будем забегать вперед. Пока мы должны узнать как можно больше о делах в Вертау.

– Узнаем, – улыбнулся Берг.

– Будем надеяться. Мне пора.

По стеклам забарабанили капли дождя.

– Черт, этого мне не хватало, – проговорил Клаус, – я без плаща и зонта.

– Я тебе свой зонт одолжу. А хочешь – обожди, хотя осенние дожди, как правило, затяжные.

– Отдохнуть надо. Завтра тяжелый день. Я, пожалуй, воспользуюсь твоим зонтом.

– Ты где машину оставил?

– В том-то и дело, что дома, я приехал на такси. Пойду к кафе у парка. Там можно нанять таксиста в позднее время суток.

– Проводить?

Разведчик отмахнулся:

– Не надо. И вы не засиживайтесь. Возможно, тебе, Отто, уже завтра предстоит поездка в Штутгарт. У нас почта иногда доставляет письма за трое суток, а иногда на следующий день. Если Куно отправил ответ сестре сегодня, он вполне может прийти уже завтра.

Разведчик вышел из квартиры. В подъезде слабо мерцали лампочки. Не входя в подъезд, определить, что за человек приходил на квартиру, невозможно.

Берг закрыл дверь.

– Неожиданно, – проговорил Динер, – Клаус – и здесь?

– Почему бы нет? – пожал плечами Берг. – Он может появиться где угодно и когда угодно.

– Слушай, а где он служит?

– Этого я не знаю. Но, судя по обрывкам разговоров, думаю, в Федеральной разведывательной службе.

– Тогда он лично знает Майера и Краузе?

– Наверное. Знает же он о лагере в Вертау.

– Но и он не имеет доступа к нему.

– А может, не хочет светиться. Такие лагеря строго засекречены, и если проявить к ним интерес, не имея доступа, это негативно скажется на судьбе любого, даже высокопоставленного человека из разведки.

– Ты прав. Ну, где там твой шнапс?

– Еще не раздумал выпить?

– Напротив, еще больше захотелось.

– Сейчас.

Берг достал бутылку, наполнил рюмку. Динер выпил, следом еще.

– Колбасок дать? – спросил Берг.

– Нет. Какой смысл пить, если тут же закусывать?

– Спорное утверждение. Без закуски пьют только алкоголики.

– Значит, я алкоголик. Ладно. Пойду.

– Промокнешь.

– Ничего, у меня в отеле есть накидка. Зайду, заберу.

– Ну, давай.

Берг проводил товарища.

Наутро, сразу же после завтрака, когда Берг собирался в свою фотостудию, раздался звонок телефона.

Он поднял трубку:

– Да?

– Это Клаус. Выезжай к фрау Линде. Скажешь, от меня, заберешь что надо, и вечером, с 19:00, ожидай. Я подъеду.

– Понял. Ганса предупредить?

– Не стоит. Пусть отдыхает.

– Выезжаю немедленно.

– Удачи.

Берг вырулил на своем «Фольксвагене» со двора на улицу, ведущую к выезду из города.

Расстояние в сто шестьдесят километров он преодолел за четыре часа. Мог бы проехать и быстрее, но сначала пришлось тащиться за колонной англичан, потом дважды его останавливала дорожная полиция. Остановки были пустяковые – проверка документов, – но время потерял.

В Штутгарт он въехал в 13:10. Пообедал в небольшом ресторанчике. В 14:10 подъехал к Оперному театру. Проехал две улицы, пока не вышел на Шаренштрассе. Поехал медленнее. Дом номер семь оказался за вторым перекрестком. Подъезды выходили на улицу.

Отто Берг припарковал автомобиль. По привычке осмотрелся – ничего странного и подозрительного не заметил.

Зашел в подъезд, поднялся на третий этаж. Дом был старый, постройки начала века, но по-своему красивый, как и остальные дома центральных улиц.

Вместо звонка висела старинная скоба. Повернув ее, агент усилил скрипучий звук.

И почти сразу же услышал приглушенный голос явно немолодой женщины:

– Кто там?

– Отто Берг, фрау Зейлер, я от Клауса.

Дверь открылась. Берг увидел женщину, кутающуюся в пуховый платок, хотя и на улице, и в доме было достаточно тепло.

– Добрый день, фрау Зейлер!

– Здравствуйте, герр Берг, проходите.

– Я ненадолго.

– Но не будете же вы стоять в подъезде, зайдите хотя бы в прихожую.

Берг зашел.

Зейлер коротко спросила:

– Письмо Куно?

– Да.

– Подождите.

Она ушла в гостиную. Берг присел на табурет. Прошло пять минут, десять, хозяйка квартиры не появлялась...

Берг окликнул:

– Фрау Зейлер?

– Извините, – донеслось из глубины, – память никудышной стала, вот ведь – положила письмо в секретер, а сейчас его нет.

– А к вам заходил кто-нибудь?

– Сегодня – нет. Вчера была соседка, но письмо в секретер я положила утром. А может, и не в секретер. Да где же оно?

– Вам помочь?

– Не надо, только еще больше запутаете. Я найду. Так, положила в секретер... Надо к доктору идти... Да! Я же его на кухню отнесла!

Наконец сестра Куно Зейлера вынесла письмо в коридор.

– Вы уж извините, что заставила ждать.

– Вы больны?

– Да, диабет.

– Я могу позвать доктора.

– Не надо, я это могу сделать и сама, но позже. Пока выпью лекарства и прилягу.

Берг забрал письмо:

– Вам точно не нужна помощь?

Женщина улыбнулась:

– Поверьте, если бы я в ней нуждалась, то попросила бы.

– Ну, тогда я поехал.

– Счастливого пути.

– До свидания.

Он вышел, хозяйка закрыла дверь.

Берг развернул на перекрестке автомобиль, повел его обратно в Атаванг. На обратном пути ему не встретились ни военные колонны, ни полицейские дорожной службы.

В 19:20, купив в магазинчике сосиски, хлеб и пиво, Берг вернулся домой.

Ровно в 19:00 раздался звонок в дверь. В прихожую, немного потеснив хозяина, вошел Клаус.

– Привет, Отто! Как съездил?

– Нормально. Привез письмо.

– Ты ужинал?

– Да, перекусил недавно.

– А я думал пригласить тебя в кафе.

– У меня остались сосиски. Отварить?

– Отвари. И сделай, пожалуйста, кофе.

– У меня есть пиво. Шнапс.

– Спиртного не буду. Дай письмо, я поработаю с ним.

Берг передал письмо разведчику, а сам прошел на кухню.

Клаус достал из портфеля, принесенного с собой, небольшой флакон, ватный тампон, ластик. После непродолжительных манипуляций текст письма исчез, проступил другой. Клаус внимательно прочитал его, достал сигарету, зажигалку, поджег сначала письмо с конвертом, бросив горящую бумагу в пепельницу, потом прикурил сигарету.

Из кухни донеслось:

– Клаус! У меня все готово.

Разведчик прошел на кухню, сел за стол. Берг смотрел на него с немим вопросом.

– В лагере Вертау готовится отдельная специальная группа для организации кровавых провокаций в Венгрии, – сказал Клаус.

– Но это было известно.

– Нам было известно, что в лагере готовятся команды для дестабилизации обстановки в Будапеште и других крупных городах Венгерской Народной Республики, я же сказал об отдельной группе. Ее название «Фаркас», состав – шесть человек: офицеры и унтер-офицеры армии, воевавшей на стороне фашистской Германии, поручик Украинской повстанческой армии и женщина-снайпер. Командир группы – капитан. Возраст от тридцати двух до сорока одного года. Все имеют опыт боевых действий. Если заметил, среди венгров есть женщина Дуки Ланг – это жена одного из казненных соратников Райка. Характеризуются как жестокие и беспощадные. Ненавидят советскую власть. Для проверки этой группы и приезжали американцы. Проверку провели по особой программе. Зейлер акцентирует внимание, что банда «Фаркаса» отрабатывала приемы уничтожения танка Т-34 и бронетранспортера БТР-40. А что это значит, Отто?

Берг отреагировал:

– Это означает одно: они будут жечь технику – венгерскую, если армия и полиция примет сторону действующей власти, и советскую, когда та войдет в Будапешт.

– И делать это во время подавления «мирных студенческих» демонстраций. Раз проверку провели, значит, совсем скоро американцы начнут переброску диверсионных групп в Венгрию. Как это удобнее сделать?

– Из Германии в Австрию и далее в Венгрию. Русские войска из Австрии и Чехословакии вышли. Граница охраняется слабо. Возможен и воздушный путь, но здесь проблемы с авиацией советского особого корпуса в Венгрии, в состав которого входит истребительная авиационная дивизия. Самолеты частей дивизии быстро закроют небо над страной!

– Это смотря какой приказ они будут иметь и на каких самолетах американцы решат перебросить группы. Но в отношении «Фаркаса» я с тобой согласен, ее, скорее всего, перебросят через Австрию, так как действовать она должна отдельно.

– На то она и отдельная.

– Да, на то она и отдельная группа, – задумчиво проговорил советский разведчик. – Ладно. Нужные сведения у нас есть, дату, когда боевую группу бросят в Венгрию, узнаем. Этого не скрыть. Надеюсь, сотрудники безопасности выяснят и то, где она будет применяться. Сегодня я сброшу информацию в Центр. Дальше видно будет.

– Один вопрос, Клаус.

Разведчик улыбнулся:

– Хоть десять.

– Нет, у меня один, ну, может, два. Это по лагерю. Как мы узнаем, что «Фаркас» отправилась в Венгрию?

– Это, друг, извини, мое дело.

– Понял, в чужие дела не лезу.

– Они не чужие, просто не во все я могу тебя посвятить.

– Да, конечно. Ты бы не рисковал, приходя сюда. Я сам могу прийти, куда скажешь.

– Не беспокойся. Все нормально. Я знаю, что делаю.

– Хорошо. Еще кофе? Или, может, все-таки пива или шнапса?

– Нет, благодарю, на ночь пить какой смысл?

– Чтобы крепче спать.

– У меня хороший сон и без стимулятора. Пойду. Да, там в прихожей зонт, возвращаю.

– Мог бы и забрать.

– Для коллекции? – улыбнулся Клаус.

Он поднялся, прошел в прихожую.

– Вам с Динером – заниматься обычными делами. Понадобитесь – позвоню или зайду в студию. Надеюсь, негативы ты уничтожил?

– Конечно.

– До встречи.

Разведчик ушел. Берг закрыл за ним дверь, вернулся на кухню, подумал и выпил тридцать граммов шнапса. После чего лег спать.

На улице опять начался дождь.

Берг вздохнул:

– Осень.

И уснул крепким сном.

Глава третья

Москва, площадь Дзержинского,

Комитет Государственной Безопасности СССР, 17 октября 1956 года

Полковник Алексей Петрович Шабаров вышел из кабинета начальника Первого Главного управления – ПГУ (разведка) генерал-майора Сахаровского. В приемной ему улыбнулась секретарь, сержант Елена Голубева.

– Досталось, Алексей Петрович?

– С чего ты взяла, Лена?

– Вид у вас невеселый.

– Без причины веселятся и смеются знаешь кто?

Женщина рассмеялась.

– Догадываюсь. Чаю не хотите? Генерал запросил, я приготовила. И вам хватит.

– Нет, благодарю. Ты не в курсе, венгерские товарищи еще не прибыли?

– Этот вопрос не ко мне.

– Почему же? Первым делом они должны явиться к Сахаровскому.

– Не было никого.

– А Григонько?

Секретарь взяла поднос, поставила на него стаканы в подстаканниках с рубинового цвета чаем:

– Прошу вас, Алексей Петрович, не выпытывайте у меня то, что должны узнать от других. Я к генералу.

– Счастливого пути.

Шабаров вышел в коридор, поднялся на шестой этаж, лифтом пользоваться не стал, решил размяться.

Там зашел в свой кабинет заместителя начальника Управления нелегальной разведки, возглавляемого генерал-майором Коротковым. Присел за стол.

Время подходило к обеду, но в столовую полковник идти не собирался. Взял из дома бутерброды и термос с чаем.

Через минуту в дверь постучали.

– Да, – отозвался Шабаров.

В кабинет вошел рослый мужчина в штатском костюме, который не скрывал военной выправки.

– Добрый день, Алексей Петрович.

– Григорий Федорович, добрый день, ждал.

– Извините, задержался, самолету из-за метеоусловий пришлось садиться на военном аэродроме.

– Главное – приземлились.

– Это да.

Мужчина в штатском, представитель КГБ в Венгерской Народной Республике полковник Григонько, присел на стул за столом-приставкой.

– Ну и как тут Москва? – спросил он.

– Москва стоит, что ей будет, а вот как дела в Венгрии? Да, вы у Сахаровского или Короткова были?

– Нет, сразу сюда, к вам. К начальнику еще успею, у секретаря все одно командировочное придется отмечать.

– Понятно. Чаю?

– Можно.

– А может, в столовую пройдем, пообедаем?

– Вы как хотите, я перекусил с летунами. У них хорошая столовая.

– У меня с собой есть что перекусить. Значит, чаю?

– Да.

– Вы не видели, помощник мой на месте?

– На месте.

– Я заходил, не было. Хорошо.

Шабаров снял трубку телефона внутренней связи.

Ему ответили:

– Да, товарищ полковник?

– Валентин, завари чаю на две персоны, да покрепче.

– Сделаю.

Шабаров положил трубку, взглянул на Григонько:

– Ну что, оставим официальность?

– Это ты с чего-то на «вы» меня встретил.

– Ладно, рассказывай, что там в Венгрии?

– А то ты не знаешь!

– Знаю, – усмехнулся Шабаров, – но – только из отчетов и сводок, что поступают от аналитиков. Мне же нужны сведения, так сказать, из первых уст.

– Напряженная обстановка, Алексей. По-моему, мы принижаем масштабы возможных забастовок и беспорядков, по крайней мере в Будапеште.

– Принижаем? – переспросил Шабаров. – Почему ты так считаешь?

– Не далее как вчера, шестнадцатого числа, состоялось собрание студентов Университета в Сегеде. Административном центре медье – области по-нашему – Чонград, что в ста шестидесяти километрах к юго-востоку от Будапешта. Естественно, собрались не все студенты и преподаватели, но значительная их часть. Так вот, эта часть студентов заявила о выходе из «Демократического Союза молодежи» – это у них как наш комсомол – и возродила «Союз студентов венгерских университетов и академий», распущенный сразу после войны правительством республики. А Сегеда – третий по величине город Венгрии, в нем проживает более ста шестидесяти тысяч человек. Университет основан еще в конце прошлого века, точнее в 1872 году, и студенты там более чем активны. Мало того что они поднялись против власти, иначе их действия расценить невозможно, так они еще направили обращение в другие учебные заведения. Насколько мне известно, их поддерживали студенты Университета строительной промышленности, а это уже Будапешт. И там в ближайшее время планируются такие же, а может, и более масштабные собрания, чем в Сегеде.

Валентин принес два стакана черного чая.

Как только он ушел, Шабаров сказал:

– Но массовые выступления студентов по всей стране начались еще в середине сентября. Это привело к тому, что Особый корпус был переведен в повышенную боевую готовность. На военных аэродромах Каунаса и Вильнюса размещен 108-й парашютно-десантный полк 7-й гвардейской десантной дивизии. Самое крупное выступление было в октябре при перезахоронении останков Райка и его товарищей. Но все прошло без эксцессов. И войска, по плану

операции «Волна», не пришлось применять. Может быть, и дальше все будет продолжаться в том же духе, пока наши венгерские коллеги и армия с полицией не успокоят ситуацию?

Григонько отпил пару глотков обжигающего напитка:

– Нет, Алексей Петрович, не успокоят.

– Почему?

– Ты не в курсе, как сложившуюся обстановку охарактеризовал наш посол в Венгрии Юрий Андропов?

– В курсе. Андропов считает, что близится решающая схватка за власть и все будет решаться не за столом переговоров, а на улице. Манифестация шестого числа носила явно антиправительственный характер. Все это нам известно, но что смогут студенты, часть трудящихся, интеллигенция и даже армия и полиция против советских войск? Две гвардейские механизированные дивизии Особого корпуса разнесут в клочья любой мятеж.

Григонько кивнул:

– Согласен, в итоге восстание будет подавлено. Вопрос в другом: какой ценой?

– Ну, как говорится, мы за ценой не постоим.

Раздался звонок телефона внутренней связи.

– Извини, Григорий Федорович. – Полковник Шабаров поднял трубку: – Слушаю...

Пусть зайдет.

Вошел капитан, положил на стол лист с печатным текстом, козырнул:

– Разрешите идти?

– За получение документа расписаться не надо?

– Такого приказа я не получал.

– Хорошо, иди.

Офицер четко повернулся и вышел из кабинета.

– Что это? – спросил Григонько, указывая на лист. – Если, конечно, не секрет?

– Подожди, Григорий Федорович, это донесение нашего агента в Венгрии.

– Понятно.

Григонько поднял стакан, Шабаров начал внимательно читать документ.

Прочитав, снял очки, посмотрел на представителя КГБ в Венгрии:

– Похоже, Юрий Владимирович прав.

– Плохие новости?

– Как сказать... Агент сообщает об усиленной подготовке диверсионных групп в одном из лагерей в ФРГ, конкретно у деревни Вертау, что возле города Атаванг в Баварии. Групп для переброски в Венгрию. Агент упоминает подразделение «Фаркас», которое недавно инспектировали сотрудники ЦРУ. Группа готовится для провокационных действий во время демонстраций, митингов, для уничтожения советской техники, судя по стрельбам, и для обстрела наших военнослужащих.

Григонько проговорил:

– Такие лагеря есть и в Германии, и в Австрии, есть они и в Чехословакии, но агент акцентирует внимание на лагере Вертау. Хотя там готовят и другие террористические подразделения. Почему?

– Он объясняет это особым значением, которое придается группе. Она – отдельная, состоит из четырех венгерских бывших военнослужащих, воевавших на стороне Гитлера, одной женщины, вдовы повешенного вместе с Райком предателя. Шестой член группы – офицер националистической УПА. Все имеют боевой опыт и отменную выучку. Как правило, такие группы универсальны, они могут устроить провокацию во время демонстраций или митинга против полиции, что в состоянии сделать и другие подразделения. Но могут решать и отдельные задачи по любым направлениям, будь то диверсии на жизненно важных объектах или ликвидация командного состава советской и венгерской армий. Такая группа, Григорий Федоро-

вич, может нанести существенный урон силам, противостоящим мятежникам. Да, не ожидал. О лагере Вертау я был оповещен давно, а вот о специальной группе агент Клаус сообщил только сейчас. Это значит, что инспекция раскрыла ее для агента. Следовательно, наши бывшие союзники готовы перебросить «Фаркас» в Венгрию. И там она будет обеспечена всем необходимым, базой в том числе. Тогда выступления студентов примут совершенно иную форму и содержание.

Григонько спросил:

– Что ты намерен делать?

– Доложу генералу Короткову, все же он начальник Управления. Будем думать.

– А есть ли на это время?

Шабаров улыбнулся:

– А мы будем быстро думать!

Улыбнулся и Григонько:

– Тогда другое дело. Ну что, я к Сахаровскому.

– Идем.

Полковники вышли из кабинета. Старшина Валентин Сухарев поднялся с места. Шабаров кивнул ему:

– Убери стаканы, я у Коробова.

– Да, товарищ полковник.

Григонько направился к начальнику ПГУ, Шабаров – к начальнику управления нелегальной разведки.

А в 15:58 в ту же самую приемную зашел майор госбезопасности.

Старшина Сухарев встал по стойке «смирно».

Майор улыбнулся:

– Привет, Валентин, как служба?

– Здравия желаю, товарищ майор. А чего служба? Идет потихоньку.

– Ну да, чего бы ей спешить? Местечко у тебя теплое, я бы с удовольствием с тобой поменялся.

– Вам не положено, Павел Андреевич, вы – майор, командир боевого подразделения.

– Ты прав, мне такого теплого местечка не видать.

– Зато есть все шансы дорасти до генерала. Представляете – генерал-майор государственной безопасности! Звучит-то как! А какие возможности!

– Хорош болтать, Валя. Шабаров у себя?

– Так точно, ожидает вас.

– Доложи, что прибыл.

– А вы пунктуальны: вам назначено на 17:00, а 17:00 будет через десять секунд.

– Докладывай, чтобы не нарушать пунктуальность.

Старшина доложил.

Майор зашел в кабинет:

– Товарищ полковник, майор Семенов по вашему...

Шабаров прервал офицера:

– Оставь официальность, проходи.

Пожав руки, полковник и майор устроились за рабочим столом заместителя начальника Управления: Шабаров на своем месте, Семенов на месте, где недавно сидел полковник Григонько.

– Я весь внимание, – сказал Семенов, доставая ручку и блокнот.

– Ты мне для начала вот что скажи, как у тебя дела с женой?

Майор нахмурился:

– По-моему, моя личная жизнь – это моя личная жизнь.

– Ошибаешься, Павел Андреевич. Ты офицер государственной безопасности, член КПСС, командир спецгруппы, следовательно, должен являть собой образец во всем.

– А если не буду являть, то что? Отправите в войска? Вышвырнете из Комитета с «волчьим» билетом? Посадите?

– Ну, ты это прекрати. Не те сейчас времена.

– У нас так быстро все может измениться...

Полковник прервал майора, повысив голос:

– Отставить, Семенов!

– Так это вы начали.

– Потому что по должности обязан. И что это вы за детский сад развели дома с супругой? Хотят вместе, хотят врозь. Создали семью, будьте любезны беречь ячейку общества. Живите семьей.

Майор вздохнул:

– Живем пока. Но, товарищ полковник, силком нас вместе даже всемогущий КГБ не удержит.

Шабаров нагнулся к майору:

– Ты вот что, Паша, ты мне эти шутки брось. Маргарита – достойная женщина достойных родителей. Ты – майор КГБ. Силком вас в ЗАГС никто не тащил. Чтобы я ни о каком разводе не слышал, понятно?

– Я передам ваши слова Маргарите.

– Передай, и пусть сделает правильные выводы. Пока их не сделали мы.

– Всё? Вы вызвали меня, чтобы читать мораль? Или есть дело поважнее?

Полковник достал из папки лист бумаги, положил на край стола:

– Возьми, прочитай. Это распечатка шифрограммы нашего агента в ФРГ.

Майор прочитал.

– И что это означает?

– А это, Павел Андреевич, означает, что нельзя допустить, чтобы диверсионная группа «Фаркас» развила бурную деятельность в Венгрии.

– Из сказанного следует, что группа «Дон» должна убить в Будапешт? Ведь именно там, если ситуация не успокоится, и будут развиваться события по свержению действующей власти?

– Да.

– Хорошенькое дельце. Нас поведут на эту группу?

– Не знаю. Над этим работают.

– Еще веселее. И где же это мы найдем этот «Фаркас», этого волка? Не подскажете?

Полковник достал папиросу. По давней привычке он курил только «Казбек».

– Будешь?

– У меня свои.

– Кури, если хочешь.

– Благодарю, потерплю.

– Дело твое.

Полковник чиркнул спичкой, облако дыма поплыло над столом.

– Управление в кратчайшие сроки, проанализировав ситуацию, составит план действий твоей группы «Дон», но ты сам прекрасно понимаешь, план планом, а работать, скорее всего, придется по обстановке, потому как мы не знаем и вряд ли успеем узнать, какие задачи будут поставлены группе «Фаркас».

– Да-да, – проговорил Семенов, – такое в моей практике впервые. Это что-то из разряда: иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что.

Шабаров рассмеялся:

– Если бы было так, то ты с ребятами нейтрализовал бы противника в считанные дни, потому что куда идти и что принести, известно. Вопрос – как? Но на этот вопрос ты нашел бы ответ. Реальная ситуация гораздо сложнее. Но не отчаивайся, возможно, тебя наведут на цель и помогут... погоди. – Полковник снял трубку телефона внутренней связи: – Дежурный? Полковник Шабаров. Венгерские товарищи прибыли? Так, и где они сейчас? Узнай, пожалуйста, у генерала Короткова. Понял, благодарю.

Он положил трубку на рычаг.

– Покури здесь, я сейчас вернусь, и не один.

– Как скажете, Алексей Петрович.

Майор достал пачку «Беломора», закурил.

В кабинет заглянул Сухарев:

– Товарищ майор, еще чаю?

– Нет, Валь, лучше пивка. «Жигулевского», пару бутылок.

– Смеетесь?

– Нет. Просто хочу пива.

– Да ну вас.

Помощник полковника исчез.

Майор улыбнулся, хотя настроение было отвратительное, и это не касалось ни службы, ни предстоящего задания.

Он затушил окурки в пепельнице, прошел до окна, раздвинул портьеры, открыл форточку.

В кабинет вошли Шабаров и двое мужчин в одинаковых серых костюмах. У них и туфли были одинаковые, вот только галстуки разные.

Шабаров представил:

– Офицеры Управления государственной безопасности Венгерской Народной Республики, подполковник Бартош Шандор и капитан Рокуш Олах. – Он указал венграм на Павла: – Командир боевой спецгруппы «Дон», майор Семенов Павел Андреевич.

Офицеры пожали друг другу руки.

Полковник указал на стол совещаний:

– Прошу, товарищи, присаживайтесь.

Шабаров довел до венгров информацию по группе «Фаркас».

Подполковник Шандор кивнул:

– Мы знаем о существовании лагеря подготовки диверсантов-провокаторов у деревни Вертау, близ города Атаванг. Более того, мы имеем возможность получать оттуда разведданные.

Говорил Шандор на хорошем русском языке. Шабаров и Семенов переглянулись.

– Вот как? – воскликнул полковник. – У вас внедрен туда агент?

– Так же, как, возможно, и у вас.

– Отлично. И какие данные передает ваш агент?

– Разные, в том числе и о группе «Фаркас».

Семенов спросил:

– А он случайно не является членом этой группы?

– Это было бы слишком хорошо. Нет, он не входит в группу «Фаркас», но его сведения весьма интересны и сейчас очень ценны.

– Что за сведения?

– Мы ждем от него донесений по планам этих негодяев-нацистов, ведь все боевики «Фаркаса» служили на гитлеровцев. Кроме Дуки Ланг, которая, впрочем, ненавидит советскую власть не меньше остальных, если не больше.

Семенов посмотрел на Шабарова:

– Я что-то не пойму, Алексей Петрович, наши венгерские коллеги изначально имели задачу контролировать лагерь Вертау?

Ответил подполковник Шандор:

– Нет. Это совпадение. Мы прибыли сюда для определения способов взаимодействия советских и венгерских органов безопасности на случай радикального ухудшения общей обстановки в стране. Естественно, мы отслеживаем потенциального противника и за рубежом. Школа-то ваша, советская. Так что Вертау – лишь случайное совпадение. Мы могли бы многое открыть вам и по другим лагерям подготовки диверсантов, в основном из числа бывших офицеров-хортистов, офицеров, присягнувших на верность регенту или правителю Венгрии с 1920 по 1944 год вице-адмиралу Микошу Хорти, а вместе с ним и Гитлеру, воевавших против Советского Союза. И только сейчас мы узнали, что КГБ СССР интересуется Вертау.

Шабаров взглянул на Семенова, тот пожал плечами – бывает и такое.

Полковник сказал:

– Товарищи Шандор и Олах, с этого дня вы будете во всем помогать и обеспечивать деятельность советской боевой группы «Дон» майора Семенова.

Венгерский подполковник поинтересовался:

– Извините, а это согласовано между руководством КГБ и УГБ?

– Будет согласовано. Если не сегодня, то завтра.

– Ну, тогда и обсудим взаимодействие. Поймите меня правильно, я с помощником послан сюда с несколько иным заданием.

– Все утрясем, не беспокойтесь.

– Хорошо. Будет приказ УГБ, мы его выполним.

– Вы остановились в ведомственной гостинице?

– Да.

– На сегодня какие планы?

– Были планы до того момента, пока вы не забрали нас у генерала Короткова. Теперь же до решения вопроса с нашим новым заданием мы, получается, свободны.

– Прекрасно. Отдохните, посмотрите Москву. Я дам вам человека, который покажет столицу. За это время я решу все вопросы по взаимодействию с группой «Дон». Надеюсь, ваши люди, подполковник, в Будапеште продолжают контакт с агентом в Вертау?

– Естественно.

– Предлагаю по рюмочке нашей русской водки.

Семенов удивленно посмотрел на непосредственного начальника. Такого, да еще в здании Комитета, он не позволял себе никогда.

Венгры отказались.

Шабаров оставил офицеров. Этого времени хватило, чтобы выкурить несколько папирос. Вернулся Шабаров довольный:

– Предварительное согласование достигнуто, товарищи. Те документы, что вы привезли, нужно сдать генералу Короткову, после чего младший лейтенант Ефремов, он сейчас в приемной начальника Управления, проводит вас в столовую и гостиницу. Он же будет обеспечивать ваш досуг. Как только вопрос взаимодействия решится окончательно, вас пригласят сюда. Вопросы ко мне есть, коллеги?

Шандор ответил:

– Нет, все так неожиданно.

– Ну, если нет вопросов, мой помощник проводит вас до кабинета генерала Короткова. Он встал, дав понять, что разговор окончен.

Венгры вышли из кабинета.

Семенов посмотрел на Шабарова:

– И что это было, Алексей Петрович?

– То, на что я так рассчитывал. У тебя в Венгрии будут помощники. И помощники не простые, а офицеры Управления госбезопасности. Они могут многое, как мы у себя. Доволен?

– Пока не знаю. Наверное, да.

– Ты тоже езжай домой. Группе готовность «повышенная». И прошу тебя, разберись в своих отношениях с женой. Это надо не только тебе. Я очень не хочу, чтобы перед ответственным заданием руководство приказало заменить командира группы «Дон». Ты меня слышишь?

– Не глухой. Но ничего не обещаю.

– Иди. О себе не думаешь, так подумай о других.

– Есть, товарищ полковник.

Майор Семенов вышел из кабинета.

Домой, на 1-ю Мещанскую улицу, его отвез служебный автомобиль Шабарова. У майора был свой «Москвич-401», но он пока находился в ремонте, и по вызову в КГБ Семенов приехал городским транспортом. А вот к своему дому он подъехал на «Победе» полковника.

Жены дома не было.

Семенов походил по большой трехкомнатной квартире. В ней было все, о чем мог мечтать любой гражданин: мебель из ГДР, ковры с хрусталем из Чехословакии и очень редкий телевизор «Зенит». Маргарита была любительницей больших люстр, поэтому повсюду висели огромные потолочные светильники с позолотой.

Семенов прошел на кухню. Открыл холодильник «Север». В нем – шаром покати. На плите пустые кастрюли.

Майор посмотрел на часы – 18:20.

Маргарита не работала. Денежного довольствия Семенова им вполне хватало на безбедную жизнь. Да еще помогали родители Риты.

Отец ее, Губанский Виктор Алексеевич, доктор технических наук, заведовал кафедрой в Политехническом институте. Мать, Софья Николаевна, кандидат медицинских наук, работала главным врачом городской больницы. Младшая дочь Екатерина жила в Швеции, была женой дипломата.

Губанские имели неплохие деньги, чтобы давать Маргарите приличные суммы. Жена Павла не нуждалась ни в чем. Да вот только достаток в доме совсем не означает счастье и уют в семье.

Поженились Семенов и Маргарита в 1950 году, когда он получил звание капитана. Родители против не были, все же офицер государственной безопасности с неплохой карьерной перспективой. Да и защитит, если что, от неприятностей. В людях еще оставался страх перед органами.

Любил ли он Риту? Наверное, любил, по крайней мере, ему было с ней хорошо. Любила ли она его? Тоже, наверное, любила. Три года прожили они душа в душу. Первую трещину их семейная жизнь дала тогда, когда Рита решила на аборт, а Семенов очень хотел ребенка. Но жена не без помощи родителей убедила Семенова, что им еще рано иметь детей, надо пожить для себя.

Потом выяснилось, что она больше не сможет иметь детей. Это была вторая трещина, куда глубже и шире первой. А затем любовь, если она и была, прошла совсем. И произошло это как-то незаметно, обыденно. Рита стала больше времени проводить с подругами и с родителями – так она, во всяком случае, говорила, часто являлась домой за полночь и в состоянии легкого опьянения.

Дело дошло до скандалов. Семенов решил поговорить с родителями жены, но те встали на ее сторону. Оно и понятно – все же дочь. А затем... ему стало как-то все равно, где бывает жена, с кем, что делает, когда возвращается.

На удивление, это его равнодушие подействовало на Риту. Она как бы вернулась в семью, но... ненадолго. Вот и сейчас даже не подумала приготовить ужин, в спальне валялась коробка из-под нового платья. В нем она куда-то и отправилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.